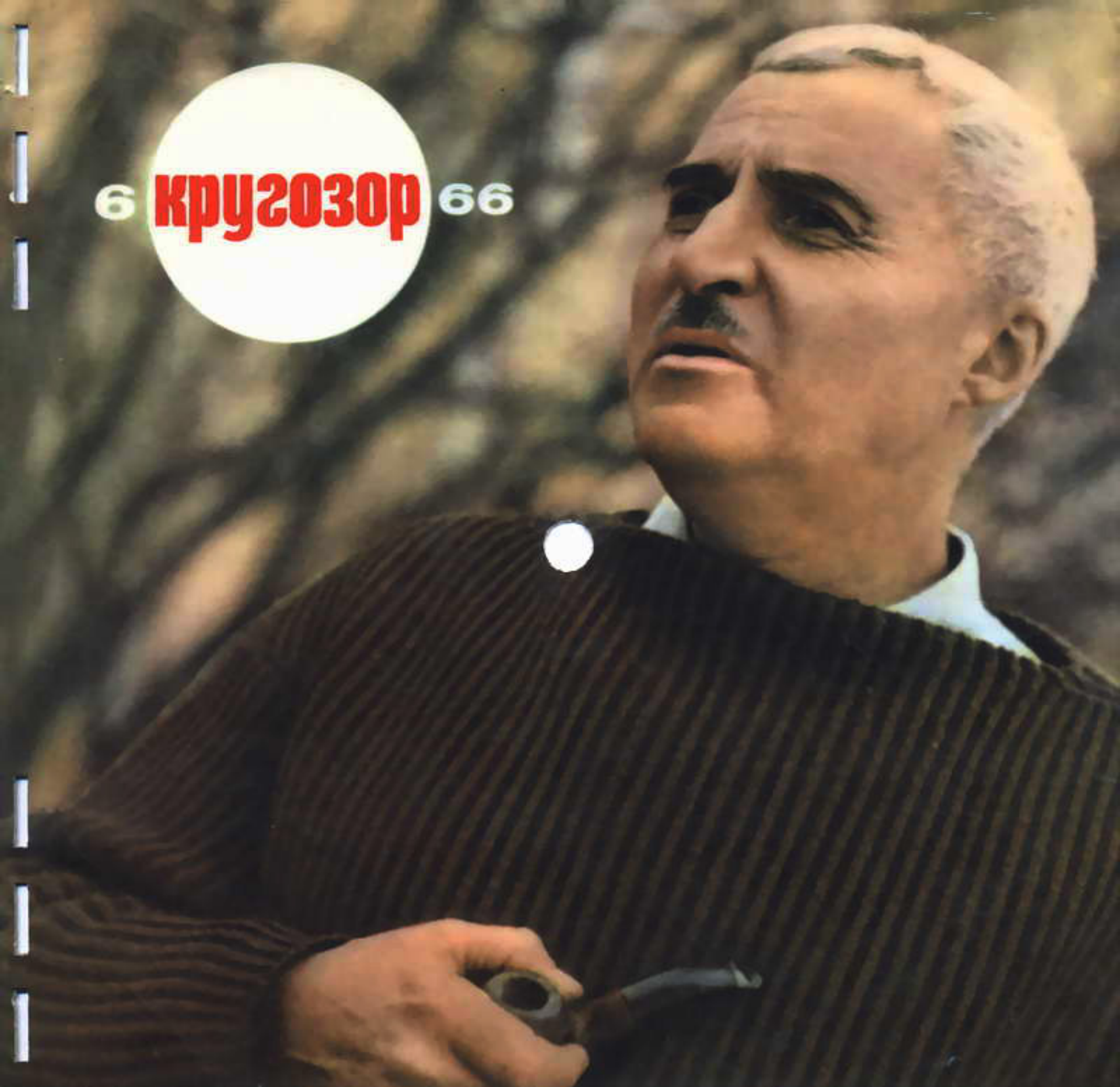

6 **Кружок** 66

Нгуен Ван Чой,
казненный
американо-сайгонской
кликкой
15 октября 1964 года.
Последняя
минута героя.

„Нагрянет враг—

Георгий
ГРАММАТЧИКОВ,
корреспондент
Всесоюзного
радио.

Все за оружие! „

Вьетнамская пословица.

Отряд Армии
освобождения
ведет бой
с противником.

Изо дня в день все те же фотографии в газетах: страшные дымы над маленькими деревнями, дети, бессильно глядящие из рук матерей, человек, привязанный нейлоновым тросом к «джипу». Южный Вьетнам. И вот в Москве женщина оттуда—Нгуен Тхи Бинь. Глава делегации, она выступала на XXIII съезде нашей партии от имени ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, рассказывала о двадцати годах войны, в которой народ защищал свою независимость и которая после агрессии американских империалистов стала особенно жестокой, кровавой войной.

Речь Нгуен Тхи Бинь на съезде была похожа на речь полководца. Маленькая женщина с черными косами рассказывала о том, что за двадцать лет Юг научился прекрасно воевать почти без оружия, в джунглях, на своей земле.

Как о каждом человеке из этой армии, можно много рассказывать о самой Нгуен Тхи Бинь. Она родилась в семье выдающегося просветителя и патриота Фан Тю Чиня. Когда она выросла, ее называли уважительно: «Это внучка Фан Тю Чиня». На демонстрациях сайгонских студентов, на сходках, когда огарок свечи колеблет на бамбуковых занавесках косые тени,— везде она, молчаливая и маленькая, первой вставала, чтобы идти: «Родина должна быть свободной».

Ее выследили, на допросе пытали электрическим током, вливали в нос мыльную воду, она захлебывалась и молчала.

Она вытерпела, прожила в тюрьме эти три нечеловеческих года. Потом были подписаны Женевские соглашения по Вьетнаму. Нгуен Тхи Бинь вышла на горячую

безлюдную улицу. Продавец с расстеленной на земле циновки протянул ей банан...

Это был непрочный мир, всего на несколько месяцев. Снова началась война — с американцами, с «тихими американцами», которые, нарушив Женевские соглашения, развязали войну.

Перед лицом опасности народ Южного Вьетнама понял, что спасение родины — в сплочении и борьбе за свободу.

В Москве, в 1966 году маленькая женщина на трибуне съезда рассказывала об освобожденных районах Южного Вьетнама: 10 миллионов жителей, четыре пятых всей территории страны. Съезд аплодировал ей.

Нгуен Тхи Бинь в интервью для московского радио говорила: «У нас есть пословица: «Нагрянет враг — все за оружие!» Я расскажу вам о Нгуен Тхи Ут. Она мать шестерых детей и командир отряда партизан.

...Кому могла показаться подозрительной крестьянка, спешившая на рынок с двумя корзинами на коромысле! Карательный отряд пропылил мимо. А крестьянка уже бросилась в ближайшую хижину, оставила у хозяев поклажу, вскочила на велосипед и погнала кратчайшим путем в соседнюю деревню. Это была Тхи Ут. Каратели были застигнуты врасплох. Нгуен Тхи Ут переползла к пулемету, около которого лежал раненый пулеметчик; пулемет снова, не успев остыть, затарахтел...»

голоса города

В Алма-Ате нет метро. Но очень много туннелей. Почти каждая улица—туннель, так густо переплелись над нею ветви деревьев. Алма-Ата—зеленый город. Очень длинные улицы в этом городе. Что вы скажете о таком, например, адресе: улица Сакена Сейфуллина, 593? И вдоль всех домов — деревья, деревья, деревья. Сколько их в зеленом городе,—никто этого никогда не считал.

Ансамбль домбристок женского педагогического института, музыканты Гюльнара Ходжикова и Валерий Багаутдинов, камерный оркестр под руководством Уялбая Нусупова, молодая певица Сауле Курмангалиева — герои фоторепортажи нашего специального корреспондента Л. Лазарева. И Алма-Ата.

Эта виолончель идет по ее улицам, в ее залах звучат эти голоса, огни ее театров и кафе освещают черную южную ночь.

От вокзала Алма-Ата поднимается вверх, вверх, вверх, к сахарным головам хребта Алатау. Горы — тоже часть Алма-Аты. Вот такой он, этот город: прямоугольнички кварталов, зеленые ветви деревьев, ровная вода арыков, снежные вершины гор. Вот что вы можете увидеть в Алма-Ате. А услышать?..

За два года, что не был я в этом селе, умер главный колхозный агроном Иван Михайлович Иван. Я ехал и загадывал: защитил ли Иван свою диссертацию! А судьба распорядилась по-другому. Похоронили Ивана Михайловича на кладбище за мастерской. Белая колонка с портретом. А сверху красноармейская звездочка.

Толик Юхнов, ветеринарный врач, как я и ожидал, уехал учиться в аспирантуру, а на его место прибыл его ровесник Вруер Багдасарович Аджемян с семьей. Жена его тоже врач, терапевт. Поменяли они жизнь городскую на сельскую.

Всех остальных знакомых я застал.

За два года лишился колхоз двух хуторов. В субботу, девятнадцатого марта, выкорчевали тракторами последние корневища, бульдозер порушил саманные стены, а что было ценного, вывезли раньше. В понедельник запахали то место и посеяли на новом поле ячмень. Председатель Павел Семенович Чуприна не любит, чтобы «земля гуляла». «Земля должна рубль давать».

Хуторяи переселили на центральную усадьбу.

Два года назад только-только начали закладывать улицу Гагарина. Стояло там несколько белых веселых домиков. И вот вижу я дорожный знак: проезд грузовому транспорту воспрещен. И обомлел. Но если вдуматься в этот факт, он тоже дает пищу для размышлений: техники сейчас в колхозе столько, что, скажем, диспетчерского объявления на наряде в гараже — дескать, не ездите под окнами — мало. Так что дорожный знак — не элемент наивного стремления — все как у «больших», как в городе. В этом свойственное ныне деревне стремление к порядку: пусть самосвал ездит не под окнами, а по дороге.

Горькая Балка из конца в конец километров шесть. Топография села, жмущегося вдоль оврагов и балочек, вызвана была одной жестокой необходимостью: главным источником крестьянского дохода и пропитания был приусадебный участок с огородом. А где огород, там нужна вода. И разбегались хутора, и расплзлось село. Когда в прошлом году стали держать коров в городах и сельских поселках, а руководителям колхозов и совхозов пришлось думать о кормах и для

частных буренок, то, против ожидания, телки, которых выделили для продажи колхозникам, остались нераспроданными.

Стало ясно, что с работками слишком хлопотно, что основной доход — из колхоза. То же самое и с приусадебными участками: сплошь да рядом просят правление урезать причитающиеся сотки. Люди почувствовали себя не поденщиками на земле, а хозяевами.

...Идут по

земле слухи, люди пишут родным, бывшим соседям. И каждый день два-три письма ложатся на стол председателя. Художник Машеров Михаил Павлович просится в колхоз: «Умею оформлять доски почта и клуб, а также писать лозунги». Не много. На письме председательская резолюция:

Хозяева

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора».

«Секретарю. Дайте ответ, что художник у нас есть».

«Уважаемый председатель! Мы узнали, что вашему колхозу требуются рабочие. Как у вас работают — за деньги или за трудодни! Мой муж — хороший тракторист, а я могу идти на любую работу». На уголке — резолюция: «Дайте ответ, что трактористы нужны, квартира будет к осени, зарплата денежная, оплата ежемесячная».

На общем собрании хутора «Пахарь» речь зашла о том, что в магазине продавец отпускает некий излой продукт в долг, под запись в книжку.

Говорили бурно, с взаимными упреками, с обращениями на «вы» о личном и общественном [«я вам говорю, как куму и как члену партии»]. И наконец, когда дело дошло до «возле магазина в полчку», кто-то крикнул, что все это

бывает, когда тракторист три тысячи рублей в год получает.

Женщины закричали: «Кто-то получает, а мы, бедные, только мантулим». Но председатель Павел Семенович не спеша достал книжечку и сказал: «Братцы

вы мои дорогие, товарищи женщины, за год Галкина у нас 950 рублей заработала, Тишкова —

920, Бубинева

Любовь — 1513,

Мруц Валентина —

1905 рубликов».

Система вознаграждения труда колхозников, как заметил председатель колхоза Чуприна в своей резолюции на письме, такова: зарплата денежная, оплата ежемесячная. Колхозник получает ежемесячно среднюю зарплату с выработки, где учитывается и качество труда. В конце года, когда бухгалтер София Григорьевна подбивает «бабки», платят «проценты». На каждый заработанный рубль еще сорок копеек и килограмм бесплатной пшеницы. Правда, есть еще одна статья дохода — 139 рублей общественных фондов на каждого колхозника: бесплатные детские сады, бани, путевки... Два года назад сидели мы с председателем Чуприной и под шорох дождей вели разговор.

— Наш колхоз был инициатором сева пропашных культур не квадратно-гнездовым методом, а пунктирным. Квадратно-гнездовой тоже хороший метод, но, если земли не засорены сорняками, пунктирный лучше. Так мы и сеяли. Вызывают меня на бюро райкома. За игнорирование квадратно-гнездового метода посева. Предупредили крепко, но сказали: сей как хочешь, а пиши только квадраты. Я не выдержал и говорю: «Вам что нужно — зерно или способ сева!»

Вот такой шел разговор под весенние дожди.

О праве хозяйствовать на земле, жить не по указке, считать не в далеком центре, а в правлении, на стареньких колхозных счетах... Этот разговор состоялся в 1964 году.

— Ну что, теперь мы хозяйева, — говорит мне Чуприна. — Совсем о другом думаем...

И уже новые проблемы будоражат Горькую Балку. Горькую Балку 1966 года.

Краснодарский край.

На звуковой странице — мысли вслух.

Рассказывают:

Павел Семенович Чуприна,

председатель колхоза имени Калинина,

Евгений Никифорович Шемяков,

зоотехник;

Андрей Павлович Русакович, парторг;

Николай Никитович Клочко, инженер.

К. СИМОНОВ

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1941 ГОДА

Через много лет после войны, когда я писал книгу «Живые и мертвые», у меня всегда стояла в памяти одна встреча в июле 1941 года под Могилевом, которую я записал в своем дневнике.

Трошкин, узнавший, что в полку Кутепова подбито и захвачено много немецких танков, торопил меня. Он еще с самого начала поездки сказал, что не вернется, пока не снимет разбитых немецких танков. По газетным сообщениям, число их давно перешло уже за тысячу, а снимков пока не было ни одного. Жгли и подбивали их много, но при отступлении они неизменно оставались на территории, занятой немцами.

Мы переехали через Могилевский мост и проехали ночной пустынный молчащий Могилев. У одного из домов стоял грузовик, из которого тихо, одни за другими, выносили носилки с ранеными. В городе чувствовался железный порядок. Не болталось никого лишнего; на перекрестках у орудий, не отходя от них, накрылись плащ-палатками, дремали орудийные расчеты. Все делалось тихо. Тихо проверяли пропуска. Тихо показывали дорогу.

С нами ехал проводник из политотдела, без которого мы, конечно, никогда не нашли бы ночью полковника Кутепова. Сначала мы остановились на окраине Могилева, у каких-то темных домов, в одном из которых расположилась оперативная группа дивизии. Наш провожатый зашел туда, узнал, на прежнем ли месте находится штаб полковника Кутепова, и мы поехали дальше.

На пятом или шестом километре за Могилевом мы свернули с дороги вправо и въехали в какие-то заросли, где нас сейчас же задержали. Нас обрадовал порядок в Могилеве, обрадовало и то, что как только мы свернули с дороги, нас задержали. Очевидно, в этом полку ночью нигде нельзя было пробраться, не наткнувшись на патрульных.

Нас всех троих под конвоем доставили в штаб полка. Из окопа навстречу нам поднялся очень высокий человек и спросил, кто мы такие. Мы сказали, что мы корреспонденты. Было так темно, что лиц невозможно было разглядеть.

— Какие корреспонденты? — закричал встретивший нас человек. — Какие корреспонденты могут быть здесь в два часа ночи? Кто вас послал? Вот я вас сейчас положу на землю, и будете лежать до рассвета. Я не знаю ваших личностей.

Мы сказали, что нас послал сюда командир дивизии.

— А вот я положу вас до рассвета, — упрямо повторил высокий, — и доложу утром комиссару дивизии, чтобы он не присылал мне по ночам незнакомых людей.

Сробевший поначалу провожатый наконец подал голос:

— Товарищ полковник, это я, Миронов, из политотдела дивизии. Вы ж меня знаете.

— Да, вас я знаю, — сказал полковник. — Знаю. Только поэтому и не положу их до рассвета. Вы сами посудите, — вдруг смягчившись, обратился он к нам. — Сами посу-

дите, товарищи корреспонденты. Знаете, какое положение. Приходится быть строгим. Мне уже надоело, что кругом все диверсанты да диверсанты. Я не желаю, чтобы в расположении моего полка даже и слух был о диверсантах. Не признаю я их. Если охранение несется правильно, никаких диверсантов быть не может. Пожалуйста в землянку, там документы проверят, а потом поговорим.

После того, как в землянке проверили наши документы, мы снова вышли на воздух. Ночь была холодная. Даже когда полковник говорил с нами сердитым голосом, в манере его говорить было что-то привлекательное. А сейчас он окончательно сменил гнев на милость и стал рассказывать нам о только что закончившемся бое, в котором он со своим полком уничтожил 39 немецких танков. Он рассказывал об этом почти с мальчишеским задором.

— Вот, говорят, — танки, танки. А мы их бьем. И будем бить. Утром сами посмотрите. У меня тут двадцать километров окопов и ходов сообщения нарыто. Это точно. Если пехота решила не уходить и закопалась, то никакие танки с ней ничего не смогут сделать, можете мне поверить. Вот завтра, наверное, немцы повторят то же самое. И мы то же самое повторим. Сами увидите. Вот один стоит, пожалуйста. — И он показал на темное пятно, видневшееся метрах в двухстах от его командного пункта. — Вот там этот танк стоит. Вот куда дошел, а ничего у них не вышло.

Около часа он рассказывал о том, как трудно было сохранить боевой дух, не дать полку прийти в расхлябанное состояние, когда его полк оседлал это шоссе и в течение десяти дней мимо полка, сквозь него, проходили с запада на восток сотни и тысячи окруженцев — кто с оружием, а кто и

без оружия. Пропуская их через себя в тыл, надо было не позволить упасть боевому духу полка, на глазах у которого шли эти тысячи людей.

— Ничего, не дали, — заключил он. — Вчерашний бой служит тому свидетельством. Ложитесь спать здесь, прямо возле окопа. Если пулеметный огонь будет — спите. А если артиллерия начнет бить, тогда милости прошу вниз, в окопы. Или ко мне в землянку. А я пойду обойду посты. Извините.

Мы с Трошкиным легли и сразу заснули. Спали, наверно, минут пятнадцать. Потом с одной стороны началась ожесточенная ружейно-пулеметная трескотня. Мы продолжали лежать. Так устали за день, что лень было двигаться. Трескотня то утихала, то снова усиливалась, потом стала сплошной и слышалась уже не слева, там, где началась, а справа.

Трошкин толкнул меня в бок:

— Костя.

— Да?

— Странно. Стрельба началась у ног, а сейчас слышится у головы.

— А ты перевернись, — сквозь сон сострил я.

Потом стрельба стихла. Понемногу начало светать. Как потом выяснилось, немцы пробовали ночью прощупать наше расположение и производили разведку огнем.

При утреннем свете мы наконец увидели нашего ночного знакомого — полковника Кутепова. Это был высокий худой человек с очень некрасивым усталым лицом, с ласковыми не то голубыми, не то серыми глазами и доброй детской улыбкой. Старый служака, прапорщик военного времени в первую мировую войну, полковник Кутепов как-то сразу стал дорог моему сердцу.

Мы рассказали ему, что когда проезжали через мост, то не заметили там ни одной счетверенной установки и ни одной зенитки. Кутепов усмехнулся:

— Во-первых, если бы вы, проезжая через мост, сразу заметили пулеметы и зенитки, то это значило бы, что они плохо поставлены. А во-вторых... — Тон, которым он сказал это слово «во-вторых», я, наверно, запомню на всю жизнь. —

Во-вторых, они действительно там не стоят. Зачем нам этот мост?

— Как зачем? А если придется через него обратно?

— Не придется, — сказал Кутепов. — Мы так уж решили тут между собой; что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы. Вы походите, посмотрите, сколько накопано. Какие окопы, какие блиндажи! Разве их можно оставлять? Не для того солдаты роют укрепления, чтобы оставлять их. Истина простая, старая, а вот забывают ее у нас. Роют, роют. А мы вот нарыли и не оставим. А до других нам дела нет.

Как я потом понял, Кутепов, очевидно, уже знал то, чего мы еще не знали, — что слева и справа от Могилева немцы форсировали Днепр и что ему с его полком, должно быть, придется остаться в окружении. Но у него была гордость солдата, не желавшего знать и не желавшего верить, что рядом с ним какие-то другие части плохо дерутся. Ему не было до этого дела. Он хорошо закопался, его полк хорошо дрался и будет хорошо драться. Он верил в это и считал, что другие должны делать так же. А если они не делают так же, как он, то ему до этого нет дела, он с этим не желает считаться. Он хочет думать, что вся армия дерется так же, как его полк. А если это не так, то он готов погибнуть. И из-за того, что другие плохо дерутся, менять своего поведения не будет.

И слова Кутепова, а еще больше то настроение, которое я почувствовал за его словами, потом мне много раз вспоминались в последующие месяцы, когда то в одном, то в другом месте фронта я слышал, как люди, рассказывая о своих неудачах, говорили: «Мы бы стояли, да вот сосед справа...» Может быть, они и были правы, но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне: правы не они, а полковник Кутепов.

П. Трошкин, фотокорреспондент «Известий», погибший на войне.

ПРЕДСТАВЛЯЮ ЧИЛИЙСКИХ ПТИЦ

Враждовать с птицами бесполезно. Они не считаются с тобой. Лучше терпеть их и много лучше — любить их. Надо дать им петь. Надо петь их.

Я живу на конце мира. Весь день перед моими глазами большое море. И ничего больше. Ничего больше.

Лгу. У меня есть птицы. Птицы Чили. Они — гости зимы, товарищи весны, друзья осени, странники лета.

Я люблю птиц. Простите, что я их пою. Порой мой стих непонятен. А пение птиц понятно? Оно — в рифму?

Иногда чужеземная птица осторожно приземляется рядом со мной. Откуда она, одинокая? С недовери-

ем она смотрит только туда, где живут люди.

Она знает, что люди хотят убить ее. Она знает, что они объявляют птицам войну. К счастью, у них есть крылья.

Когда холод времени года прогоняет птиц с «Черного острова» и ни одна из них не остается на черных сучьях зимы, тогда я выдумываю птиц. Я называю их «птицеобразные». Я хочу, чтобы их было больше. Мои ирреальные птицы пытаются превзойти их по своим качествам, по мощности крыла, по неожиданным ритмам.

Итак, эти малозначительные стихи посвящаются моим друзьям, которых мало кто знает. Птицы хрупки и преходящи. Вот их уже нет на ветке. Сирылись.

Я ухажу.

Пабло НЕРУДА

Москва, 1965.

АНТИПОЛЕТ

Усевшись прочно, дуроптица весьма жалела об одном: что не летает и не может; но отдавала всем приказы касательно любых полетов; по пунктам объяснялось там, чтоб за крылом крыло узнало, что происходит в атмосфере; давались там советы перьям, а небо и его теченья в параграфы одеты были. Была сидячей от рожденья безрадостная дуроптица.

Росла сидячей; никогда, бесперая, бескрылая, она не пела, не летала.

Но диктовала, как диктатор.

Предписывала свет, надежду и сроки каждого полета, а если о высотах речь, твердила: там я родилась; предписывала всем пути; она б, конечно, полетела, но цифры так слагаются, и по соображеньям пользы ей лучше не летать сегодня.

«А вы пока летайте!»

Свирепейшая дуроптица садится на свои клыки и стережет других полеты: без ею изданных указов здесь даже пчелы не летают.

И так летает, не летая, на кресле сидя, дуроптица.

ПТИЦА Я

Птица Пабло — так зовусь я,
птица одноперая;
я лечу по ясной тени
и по ясности неясной,
крылья не видны мои
и гремит в ушах, когда
меж деревьев прохожу
или над могилами,
как опасный мрачный зонтик
или шпага без ножен,
вытянутая дугою,
круглая, как виноград;
раненый в ночи туманной,
я лечу и сам не знаю,
кто же будет ждать меня,
кто моей не любит песни,
кто моей хотел бы смерти,
кто не знает, что приду,
не придет, чтоб одолеть,
кровь пролить, свернуть
мне шею,
целовать мою одежду, —
разодрал ее свист ветра.
Ухожу и возвращаюсь,
и лечу, и не лечу,
но пою. Спокойной бури
я неистовая птица.

КОРМОРАН

Он словно на скале распят:
недвижимый крест из черных
перьев
повис, упрямый и кривой;

и, словно лошадь, солнце
пало
на камни скал береговых,
и высекли подковы солнца
милльон безумных гневных искр,
милльон взлетевших капель моря;
а он, летучий и распятый,
он на кресте и не моргнет;
волна вздувалась и рожала,
дрожал в тяжелых родах
камень,
и шелестела нежно пена,
а там, как негр повешенный,
был мертв, как прежде,
корморан,
был жив, как прежде, корморан,
был жив и мертв, и был он —
крест;
застыли черные крыла,
распластанные над водою;
он был все тот же гневный
крюк,
что вбит в просоленные скалы;

казался он угрозой
ударов ярости слепой,
огня, и зелени, и гнева,
стихий объединенной мощи
на том шипящем берегу;
он был и крест, и виселица,
и ночь, прибитая к кресту,
агония кишачей тьмы;
и вдруг унесся в небо он,
летя, как черная стрела,
и взмыл он по спирали вверх
в одежде снега черного
с медлительностью звезд
и лодок.
И над смятением морским,
изранен холодом и морем,
летел, летел, летел, летел,
как уравнение в пространстве.

Перевод с испанского
О. Савича.

Гравюры
Ю. Космынина.

Ростов Ярославский.
Кремль.
Фото Ирины Стин.

НЕЖНОСТЬ КАМНЯ

Р. ШТИЛЬМАРК

Храму Покрова-на-Нерли 801 год.
Фото В. Гиппенрейтера.

Идти нужно влажным просторным лугом, по неприметной, еще сыроватой от росы и недавнего половодья тропе. И когда выйдешь из отлогой низинки к берегу клязьминской старицы, храм Покрова-на-Нерли вдруг открывается весь, от подножия до золотого креста в небе.

Как белая свечечка, одна-единешенька в зеленой зыби полей стоит эта красавица восемь столетий над тихими луговыми реками Клязьмой и Нерлью, рассказывая о замыслах князя Андрея сплотить под властью Владимирской державы разобщенные русские земли. Здесь слезал с коня сам заказчик храма хмурый и стремительный князь Андрей Боголюбский, даже не удостоивая взглядом того, кто подхватит небрежно оброненный повод... Шли сюда бедные просители, обременяя богородицу множеством житейских забот и жалоб.

При рождении некоторым колоколам давали имена.

Как детям.

На звоннице Успенского собора в Ростове-Ярославском более десятка колоколов. Вот они: «Сысой» — 2000 пудов, «Подпелейный» — 1000 пудов, «Лебедь» — 500 пудов, «Баран», «Голодарь», «Красный», «Козел» и несколько безымянных. Ростовские звоны — музыкальное чудо России, о них восторженно писал еще В. В. Стасов; камертоны, воспроизводившие звоны, получали премии на многих международных выставках.

Несколько лет назад над Ростовом снова раздались удары колоколов: «Мосфильм» записывал звоны для «Войны и мира».

Потом была выпущена пластинка «Ростовские звоны». Она была выпущена большим тиражом.

Достать ее сейчас трудно.

Наш корреспондент Е. Хримов встретился в Ростове с одним из старейших мастеров колокольного звона, 75-летним А. С. Бутылиным.

Слушайте седьмую звуковую страницу.

Идут люди и сейчас, но то уж и люди иные... В путь сюда пускаются не просители, а хозяева, и не по бедности душевной, а наоборот, от душевного богатства, от полноты высоких чувств.

Утреннее солнце легло розовым отблеском на белокаменные стены храма, и весь он отразился в зыбкой воде речной старицы. Пролетели над Нерлью чайки-рыболовы, и тогда рядом с недвижимым отражением белого здания быстро проскальзывала на воде живая тень, уже иного оттенка белизны. Да еще облака, похожие на корабельные паруса, неторопливо и важно шли над лугами и рекой. Хорошо было все это увидеть именно весной, когда речные воды у Покрова холодны и чисты, зелень еще свежа и нигде не запылилась, и ветром откуда-то приносит острый дух молодых тополиных листьев.

Я стал фотографировать храм со всех сторон, снова и снова дивясь тому гениальному чувству природы, что подсказало строителям поставить одинокий храм именно здесь, в пустынном зеленом лоне полей. И я пытался выделить какие-то главные детали, может быть, более прекрасные, чем все остальное. В чем секрет, в чем разгадка этой красоты? Что определяет ее в этом здании? Может, это чудесная стройность алтарных абсид? Когда стоишь под ними и взгляд скользит вверх по бесконечно нежным, исполненным девичьего изящества линиям камня, они будто оживают, будто дышат... Или, может быть, это сочетание плавного арочного портала с резным белокаменным аркатурным поясом? Или это тонкие окна, прорезающие середину каждой закомары? Или легкая главка, грациозно взнесенная

над белокаменными плечами храма? Нет, дело, конечно, не в деталях! Невозможно выделить из всей архитектуры здания какие-то особо удавшиеся куски, объяснить очарование целого успехом частей. Поистине, «все в ней — гармония, все — диво».

Вместе с тем, храм Покрова-на-Нерли — великолепное инженерное сооружение. Строители позаботились о прочном фундаменте для здания, поставленного в затопляемой пойме реки. Был устроен искусственный холм с дренажем, верхнюю площадку искусственного возвышения покрывали каменные плиты с желобками водостоков.

Если возвращаться к станции берегом Клязьмы, храм еще долго виден. Его освещение меняется, с каждой новой точки пути меняется и очерк здания, оно играет тенями и светом. Тенями и светом...

Вспомнилось мне, что, сотрудничая в эстонской печати, я задумал в тридцатых годах написать очерк о знаменитом русском теноре. Попросил Дмитрия Алексеевича Смирнова рассказать о себе и начал записывать:

«Родился я 7 ноября 1882 года в Москве. Окончил Комиссаровское техническое училище, занимался у Додонова, Пускова и Павловской, а в дальнейшем — во Франции и у итальянских педагогов.

Петь любил с детских лет. Помню, как ребенком мне довелось услышать знаменитого московского протодьякона. Его феноменальный бас восхитил меня. Форте было таким могучим, что в храме погасли свечи, окна собора дребезжали. Засыпая в детской кроватке, я мечтал о том, что вот вырасту большой и у меня будет такой громоподобный бас. Что я только не делал, чтобы добиться звучания в нижнем регистре, но не всего можешь достичь трудом и упорством — октавист из меня, как видите, все-таки не получился».

Будущий тенор завидовал басам. Но мы приведем здесь слова одного из лучших басов мира. Федора Ивановича Шаляпина: «Отчего я не тенор, что за голос! Ведь после исполнения Митей каватины князя чувствуешь, что ты побежден».

Несколько сезонов Дмитрий Смирнов пел в миланском «Ла Скала», затмевая прославленных итальянских теноров. Это, кстати сказать, небывалый случай в истории оперного театра. Тенор считался, да отчасти и считается «монополией» итальянцев. Русский певец вступил в соревнование с миланскими вокалистами, сражаясь тем оружием, которым они славились, и зачастую выходил побе-

О ДМИТРИИ СМИРНОВЕ

Д. Смирнов в роли Ромео.

дителем. В этом отношении успех Дмитрия Смирнова в «Ла Скала», на сценах лондонской, парижской и нью-йоркской оперы еще более поразителен, чем триумф шалляпинского баса. Арии из русских опер, русские романсы, услышанные в исполнении замечательного вокалиста, утверждали мировое признание Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова и многих других русских композиторов.

Уехав из России в 1920 году, Дмитрий Алексеевич не раз бывал с гастролями в Советском Союзе. С огромным успехом пел он на оперной сцене, давал концерты в Москве, Ленинграде, Киеве, Бану, Тбилиси, во многих сибирских городах. Антонина Васильевна Нежданова писала о Д. А. Смирнове: «Я пела с ним весь свой основной репертуар. Это был прекрасный певец и артист... У Смирнова был громадный диапазон и исключительно большое дыхание. Он обладал замечательно красивыми верхними нотами...»

В 1940 году Д. А. Смирнов был приглашен работать педагогом в Московскую консерваторию, но началась война; Рига, где жил тогда Дмитрий Алексеевич, была оккупирована немецкими войсками...

Умер Д. А. Смирнов в 1944 году. Он похоронен на рижском Покровском кладбище.

Я бывал на многих концертах Дмитрия Алексеевича, но особенно памятен русский день просвещения в Печерах. Под открытым небом в сопровождении хора поет высокий красивый человек, и голос его слышен далеко-далеко: «Ты взойди, взойди, солнце красное!»

Ю. ШУМАКОВ

Таллин.

*понимаете,
я не могу
без него жить*

ESTRADA POLSKA*

Фото А. Лидова.

КРИСТИНА КОНАРСКА. Вы знаете, что означает ее жест на фотоснимке? ...Лет триста назад, как повествует легенда, улетел на петухе в небо некий пан. Чрезвычайно скучно было ему на Луне. И лишь когда появилась звезда земная — космическая Валентина, жизнь пана пошла совсем иначе.

Эту историю, называемую «Валентина-твист», Кристина рассказывает с огромным темпераментом. Она представляет «эстраду-модерн». Все в ней жизнерадостно и громко. Певице кажется, что глупо веселиться тихо. Так делают только пожилые. И Кристина бурно радуется летнему дождю и осеннему солнцу, краковскому парку и магистралям Варшавы, а иногда и просто так, без всякого повода. И, может быть, жест, пойманный фотоаппаратом, означает: как все здорово!

МЕЧИСЛАВ ФОГГ. Если бы у него была страсть собирать программы своих выступлений, половина его варшавской квартиры оказалась бы завалена афишами на разных языках. Пятнадцать тысяч концертов на всех материках. Фогг подчеркнута старомоден: в сиреневом луче прожектора поет жгучий романс о недопитом бокале и ушедшей молодости или роковое танго о ревности цыганки, столь популярное у наших бабушек. Мечислав Фогг каждый номер бисировал.

СЛАВА ПШЕБЫЛЬСКА. Сразу после концерта мы хотели с ней встретиться. Это оказалось невозможным, от усталости она просто не могла разговаривать: все было отдано песням. Таланту ее доступны юмор и грусть, ирония и страдания. Для каждой песни она находит свое, неповторяемое решение: то скупа до аскетизма, то использует сразу все краски своей яркой палитры.

Гарей РАХИМ

«Смерти нет! — закричал я. —
Смерти нет! Смерти не-е-е-т!..»
Похоронные дроги усмехнулись
в ответ.
«Все живое на свете пусть
вечно живет!..»
«Будет так», — прогудел
орудийный завод.
«Смерть над жизнью не властна,
вечен каждый росток!..»
«Это истина», — прошелестел
мотылек.
«Никогда не умрем! — крикнул я. —
Никогда-а-а!..»
И военные сводки откликнулись:
«Да-а-а...»
«О, как жизнь хороша! — крикнул
я. — Хороша-а-а!..»
И планеты моей живая душа,
Шелестя весенними листьями,
Майским ливнем гудя, камышами
шурша,
Всем дыханием новорожденных
дыша,
Мне ответила: «Истина,
истина,
истина!»

Перевод
с татарского
Е. Храмова.

НОЧЬЮ В СТЕПИ

Жаппар
ОМИРБЕКОВ

На полустанке ночью
Белый цветет табак.
И одинокий обходчик
Всматривается во мрак.
Степь в этом знойном месте —
Ровная сноворода...
Сходятся на разъезде
Встречные поезда.
Замерли паровозы,

Паром заставши высь,
Словно две папиросы,
Чтоб прикурить, сошлись.
Два машиниста друг другу
Попросту, глядя вдаль:
— Что ты везешь?
— Уголь.
— А что у тебя?
— Сталь.

И на подножки встали...
Это в степи
вдвоем
Так говорят составы.
Сталь говорит с углем.
Два фонаря. Две тени
С разных сторон идут.
И на лету, в отдаленье,
Товарняки поют...
Вот уж за дальней далью,
Врезываясь в темноту,
Уголь пошел к Зауралью,
Сталь — на Караганду.

Сколько составы эти
Взяли тяжелых груд?
И о какой победе
До самых звезд поют?
Степь моя! Их движенье
Вписано в окоем,
Это ж — кровообращенье
В теле, страна, твоём!
Точность и деловитость.
И от песков до берез
Степь моя вся открыта
Скороговорке

колес.
На полустанке ночью
Белый табак цветет.
Снова один обходчик
Вдоль полотна идет.
Пусть на пустом разъезде
Ветер и темнота,
Вечно в пути
и вместе
Встречные
поезда!

Перевод
с казахского
А. Коренева.

Георгий ГУБЛИА

НА БЕРЕГУ БАСЛЫ

Вот сижу я на берегу,
А Басла проходит мимо,
как любовь твоя.
Не могу —
сердце стучит нестерпимо.

Отчего затаилась боль?
След твой легкий в воде
оставлен.

Но еще я не шел за тобой,
Не осмеял еще, не ославлен,

И пока сам себе я судья.
Для меня не заказана тропка...
А Басла течет неторопко,
И качается в ней ладья.

И прозрачна вода до дна.
Но слабею я, будто ранен.
И плывет в синем небе луна —
Надо мною и над горами.

И плывет по реке, а река
Опускает луну на камни.
Но луну не достигнет рука:
Как и ты, недоступна она мне.

●

Ты рядом — и я страдаю,
Бережь мне тебя — не сберечь.
Мне кажется, я забываю
Слова и теряю речь.

Уходишь — и все мои мысли
Куда-то теряются вдруг,
Мне кажется, тучи нависли
Над сердцем, а в сердце — испуг.

То солнцем меня обжигает
В пустынном, безводном краю,
То ветром меня качает
У пропасти на краю.

И нет мне, и нет покоя.
Как, девочка, ты смогла
В глазах своих спрятать такое,
Что сердце сожгло мне дотла?
Как, девочка, ты смогла?..

Перевод
с абхазского
Н. Злотникова.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

слушайте

в

номере:

**ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР**

На первой
странице обложки:
Константин Симонов.
Фото Л. Лазарева.

Художник
А. Луцкий.
Технический редактор
Л. Петрова.
Режиссер
Н. Субботин.

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.**

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая ул., 25.

Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 05062. Подп. к печ.
20/V 1966 г.

Формат бумаги 67×84¹/₂.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 1543. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

1. Пламя Вьетнама. Записи с поля боя.

2. Проблемы Горькой Балки. Корреспондент возвращается к героям своего репортажа.

3. К. Симонов: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Звуковую страницу подготовил В. Возчиков.

4. Пабло Неруда. Пять сонетов в переводах Маргариты Алигер. Читает заслуженный артист РСФСР Вячеслав Сомов. Композитор А. Кузнецов.

5. В залах Алма-Аты: народная песня «Камажай»; романс Р. Шумана «Я не сержусь»; А. Жубанов «Ария».

6. Тенор Дмитрий Смирнов. Ария Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин»; фрагмент арии де Грие из III акта оперы Массне «Манон».

7. Русские звоны.

8. «Понимаете, я не могу без него жить». Лирическая новелла А. Ермилова.

9, 10, 12. Наши песенные премьеры. Е. Стихин и Л. Румарчук. «Вдруг тебя вспоминая». А. Островский и И. Шаферан. «Слушай, сердце». С. Пожлаков и Ю. Малышев. «Отзовись». О. Фельцман, И. Шаферан и В. Харитонов. «Приходи». Я. Френкель и Л. Вялкина. «Песенка». А. Владимирцев и К. Рыжов. «Вот не везет». Исполняют М. Кристалинская, М. Магомаев, Б. Кереш, Ю. Гуляев, Л. Зыкина, В. Матусов.

11. Звезды Варшавы: К. Конарска, М. Фогг и С. Пшебыльска.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

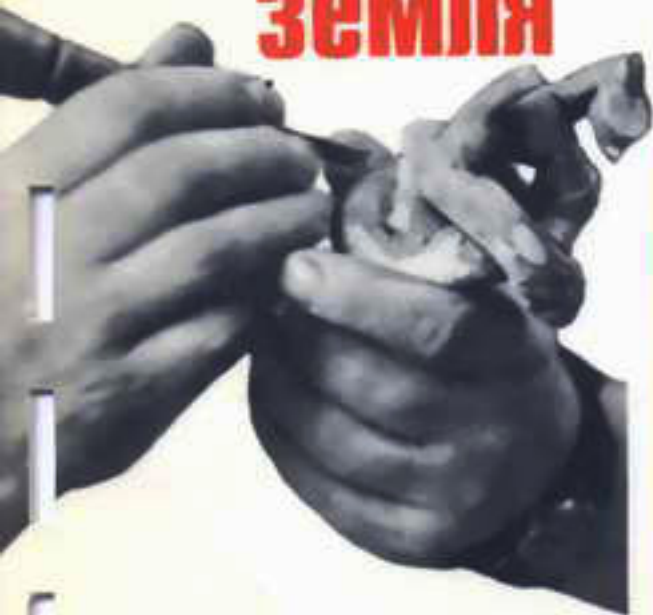

Виктор Гончаров — поэт и скульптор. Раньше таких стихов Гончаров не писал — простых-простых, с фольклорной интонацией. Что помогло ему, человеку, владеющему и поэтическим пилотажем, найти безыскусные легкие слова?

Сам автор отвечает на это так: «Я работаю над новой книгой стихов, которую не написал бы, если бы не занимался изобразительным искусством. Мои скульптуры приблизили меня к земле, почве, и я услышал, как говорит земля. А ее язык прост».

**Я
услышал,
как
говорит
земля**

Барбулька

Станичник

Маска

Виктор ГОНЧАРОВ

Ах, не начать ли нам
жаль жалеть,
жаль жалеть,
любить уметь!
Мне тебя, мамонька,
жаль, жаль.
Вот тебе, мамонька,
шаль, шаль.
Ходи в теплом, мамонька,
не болей, не болей.
Ко мне в гости, мамонька,
приезжай скорей.
А не начать ли нам
жаль жалеть,
жаль, жалеть,
любить уметь.
Мне тебя, тещенька,
жалко, жалко.
Вот тебе, тещенька,
палка, палка.
Это тебе, бойкая,
от собак, от собак.
Ты не можешь, тещенька,
просто так, просто так.
А не начать ли нам
жаль жалеть,
жаль жалеть,
любить уметь!
Мне тебя, любимая,
тоже жаль.
Уезжаю скоро я
в даль, в даль.
А кого ты станешь
ночью пилить?
Кого на работку
будешь будить?
А не начать ли нам
жаль жалеть,
жаль жалеть,
любить уметь!

Цена 1 руб.

**Все
выше
и выше...**

**ТЕБЕРДИНСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК.**

ДОМБАЙ.

Фото
В. Гиппенрейтера.

